O.V.K — X.T.R

МЕСМЕРИЗМ

ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ И ЕГО ПРИЁМЫ

УЧЕНИЕ, ПРИЁМЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

O.V.K — X.T.R

МЕСМЕРИЗМ

ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ

Изложение учения, приёмов и предостережений —
от флюида и пассов к магнетическому сну,
и далее к тому, во что оно обратилось

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Не рука делает, а воля, идущая рукою; рука же лишь указывает воле дорогу и держит её в мере».

— из наставлений старого магнетизёра ученику

✻

Книга писана для того, кто кладёт руку,
а не для того, кто судит о положивших.
Учение изложено как учение,
приёмы — как приёмы,
и ничто не доказывается заново.

ОГЛАВЛЕНИЕ

✧ ✧

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ

I. Что такое месмеризм 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Месмер: Вена и Париж 5
V. Чан, кризис и обстановка 6
VI. Королевские комиссии 1784 года 7
VII. Пюисегюр и магнетический сон 8
VIII. Что осталось после приговора 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УЧЕНИЕ О ФЛЮИДЕ

IX. Флюид: как его мыслили 11
X. Полюсы, ток и направление 12
XI. Насыщение и истощение оператора 13
XII. Проводники и хранилища 14
XIII. Цепь и передача через посредника 15
XIV. Раппорт: связь двоих 16
XV. Восприимчивость и сопротивление 17
XVI. Обратный удар и утомление 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИЁМЫ ОПЕРАТОРА

XVII. Приготовление оператора 20
XVIII. Дыхание и внимание 21
XIX. Взгляд 22
XX. Пассы большие и малые 23
XXI. Наложение рук и держание пальцев 24
XXII. Дуновение и слово 25
XXIII. Пассы отводящие и рассеяние 26
XXIV. Намагничивание воды и вещей 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. МАГНЕТИЧЕСКИЙ СОН

XXV. Признаки наступления 29
XXVI. Ступени сна 30
XXVII. Сомнамбулизм 31
XXVIII. Ясновидение больного 32
XXIX. Слово, сказанное спящему 33
XXX. Пробуждение и порядок его 34
XXXI. Забвение и память после сна 35
XXXII. Опасности и отказ от работы 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПРЕВРАЩЕНИЕ

XXXIII. Брейд: от флюида к нервному сну 38
XXXIV. Эллиотсон и Эсдейл: резать без боли 39
XXXV. Нанси и Сальпетриер 40
XXXVI. Русская линия 41
XXXVII. Что уцелело в науке 42
XXXVIII. Чего месмеризм не может 43
XXXIX. Правила совести 44
XL. Заключение: рука, взгляд и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Откуда пришло учение, кто дал ему имя,
чем оно было осуждено
и что уцелело после осуждения

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое месмеризм

✧

Месмеризмом зовётся учение о том, что от одного живого существа к другому переходит некое действие, способное менять состояние принимающего — успокаивать, разогревать, усыплять, унимать боль, — и что действие это оператор может направлять волею, рукою и взглядом.

Учение это старше своего имени. Наложение рук, дуновение, поглаживание больного места известны всякому народу и всякому веку. Месмеру принадлежит не открытие, а *приведение в порядок*: он взял разрозненные приёмы, дал им объяснение и обучил им других по правилам, а не по наитию.

Объяснение он взял от своего времени и назвал действующее начало *флюидом* — тонкою жидкостью, разлитою всюду и связующей тела, подобно тому как связывает их тяготение. Объяснение это наука отвергла; приёмы же остались и работают доныне, хотя работают, как выяснилось, иначе.

Оттого книга эта разделена надвое по существу. В частях второй, третьей и четвёртой излагается учение и ремесло так, как их держали сами магнетизёры — с их словами, мерою и порядком. В части пятой сказано, что с этим сделала наука и что из сказанного уцелело при проверке.

Читателю надлежит держать оба взгляда разом и не смешивать их. Кто отбросит первый, не поймёт, отчего два века люди видели то, что видели. Кто отбросит второй, будет объяснять свои успехи неверною причиною и рано или поздно повредит себе и другому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✧

Имя дано по человеку. Франц Антон Месмер, венский врач, в 1766 году защитил рассуждение о влиянии небесных тел на тело человеческое и вывел оттуда мысль о всемирной тонкой среде, через которую светила достигают живого.

Сперва он называл своё действие *небесным магнетизмом* и работал магнитами, приобретёнными у иезуита Максимилиана Хелля. Вскоре он заметил — и это было главное его наблюдение, — что железо не обязательно: рука действует так же, а порою и сильнее.

Отсюда родилось имя, под коим учение стало известно: *животный магнетизм*, магнетизм живого. Слово «животный» означало здесь не зверя, а *animal* — принадлежащее душе живого существа, в отличие от магнетизма минерального, свойственного руде.

«Месмеризмом» же учение назвали позднее и не всегда с почтением: так говорили о нём противники, желая привязать дело к человеку и через человека его опорочить. Слово прижилось и утратило укор, как это часто бывает.

Далее в книге держится различение. *Месмеризм* — учение и приёмы Месмера с его последователями. *Гипнотизм* — то, во что они обратились после Брейда, когда флюид был отброшен. Смешивать их не следует, ибо разница не в словах, а в объяснении причины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✧

Учение, как его излагал сам Месмер в двадцати семи положениях 1779 года, стоит на трёх основаниях. Выпишем их прямо, ибо на них держится всякий приём этой книги.

Первое. Существует всеобщая тонкая среда, разлитая между телами и не оставляющая пустоты. Через неё тела взаимно действуют друг на друга непрерывно, и живое отличается от неживого лишь способом, каким её принимает и удерживает.

Второе. Тело живого имеет полюсы, подобно магниту, и способно *накоплять* эту среду, отдавать её другому, а также запечатлевать её в вещах: в воде, в дереве, в стекле, в тканях.

Третье. Болезнь есть неравномерность распределения: где-то застой, где-то нехватка. Здоровье есть свободное течение и равновесие. Оттого приёмы направлены не на болезнь как таковую, а на *восстановление течения*: снять застой, провести, разровнять, отвести излишек.

Заметим сразу то, что определило судьбу учения. Все три положения говорят о веществе, но ни одно из них не проверялось иначе, как по действию на человека, — а человек, в отличие от железа, знает, что с ним делают, и ожидает последствий. В этой щели и разместилась вся дальнейшая история, о чём речь в главе шестой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Месмер: Вена и Париж

✧

Вена дала Месмеру начало и первый скандал. Он лечил магнитами, затем руками, имел успех у больных нервических и был обвинён врачебным сословием в обмане. Дело девицы Марии Терезии Парадис, слепой пианистки, которой он будто бы вернул зрение, а затем утратил его вновь, довершило разрыв: в 1778 году Месмер оставил город.

Париж принял его иначе. Учение пришлось ко времени: салоны искали чудес, наука — невидимых сил, публика — исцеления без кровопусканий и слабительных, коими врачевали тогда. За немногие годы у него собрались ученики, деньги и слава.

Он основал «Общество гармонии», где за плату обучал приёмам под обетом молчания. Отсюда пошла двойственность, сопровождающая месмеризм повсюду: учение открытое по видимости, но передаваемое за деньги и под тайною, — что само по себе питает и учеников, и подозрение.

Нрав его был не из лёгких: он требовал признания своего учения целиком, отвергал проверки на своих условиях и в спорах держался высоко. Многие несчастья дела произошли не от приёмов, а от этой негибкости.

После приговора комиссий он покинул Париж и умер в 1815 году в безвестности, на озере Констанц. Учение к тому времени жило уже своею жизнью и в руках учеников ушло далеко от того, чему он учил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чан, кризис и обстановка

✧

Приём Месмера в его парижские годы стоит описать подробно, ибо в нём видно то, чего он сам не видел.

Посреди залы ставился *чан* — дубовая кадь с водою, битым стеклом и железными опилками, из крышки которой торчали изогнутые прутья. Больные садились вокруг, брали прутья, прикладывали их к больному месту и связывались между собою верёвкою и соединением рук, образуя цепь.

Зала была затемнена, окна завешены, играло стеклянное фортепиано или духовой инструмент, служители в тишине совершали пассы. Сам Месмер выходил в лиловом шёлковом платье, с железным жезлом, и обходил больных, задерживаясь перед иными долго и молча.

Ожидаемым разрешением был *кризис*: дрожь, слёзы, судороги, крик, иногда обморок. Бившихся уносили в соседний покой, обитый войлоком, где кризис довершался. Считалось, что через кризис флюид расчищает застой, и без кризиса излечение неполно.

Всё здесь работало разом: полумрак, музыка, ожидание, цепь из тел, вид бьющегося соседа. Позднее это назовут внушением и подражанием; тогда же это называли действием флюида, и заметим честно — больным нередко становилось легче.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Королевские комиссии 1784 года

✧

В 1784 году Людовик Шестнадцатый назначил две комиссии для разбора животного магнетизма. В первую вошли люди веса необыкновенного: Бенджамин Франклин, Антуан Лавуазье, астроном Жан Байи, врач Жозеф Гильотен.

Комиссия поступила умно: она не стала спорить об учении, а поставила опыт, отделяющий флюид от ожидания. Больным завязывали глаза и говорили, что их магнетизируют, не делая ничего, — и получали кризис. Затем магнетизировали втайне, не предупредив, — и не получали ничего.

В саду намагнитили одно дерево из нескольких; чувствительный юноша, водимый по саду, обнял ненамагниченное и впал в кризис перед ним. Женщине дали простую воду, назвав её намагниченною, — последовал припадок; намагниченную же, названную простою, она выпила спокойно.

Заключение было единодушно и осторожно в словах: действие несомненно, но производится оно *воображением*, а не какою-либо жидкостью; флюида обнаружить не удалось. Это, замечу, первый в истории опыт со слепою проверкою и с пустышкою — и поставлен он был против месмеризма.

Был и тайный доклад королю, где говорилось об опасности нравственной: о власти магнетизёра над женщиною в состоянии беспамятства. Об этом — глава тридцать девятая, и не худо помнить, что предостережение это старше самой науки о гипнозе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пюисегюр и магнетический сон

✧

В том же 1784 году произошло событие, изменившее ремесло сильнее всяких комиссий. Маркиз Арман де Пюисегюр, ученик Месмера, магнетизировал в своём имении молодого крестьянина Виктора Раса, страдавшего грудью.

Кризиса не последовало. Вместо судорог юноша погрузился в состояние, дотоле не описанное: он спал, но говорил; отвечал на вопросы; ходил с закрытыми глазами; слушался одного лишь магнетизёра — и, пробудившись, ничего не помнил.

Пюисегюр назвал это *магнетическим сомнамбулизмом*, а после — просто магнетическим сном. Значение открытия трудно преувеличить: спокойный сон оказался и полезнее, и безопаснее судорожного кризиса, и с этого дня школа разделилась.

Приверженцы Месмера держались флюида и кризиса; последователи Пюисегюра — сна, тишины и работы со спящим. Вторые победили: к началу следующего века кризис почти вышел из обихода, а магнетический сон стал главным предметом ремесла.

Заметим и то, что маркиз объяснял дело не только флюидом, но и *волею*: «верьте и желайте», — говорил он ученикам. В этом слове уже содержался будущий приговор флюиду и будущее учение о внушении.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что осталось после приговора

✧

Приговор комиссий убил учение, но не ремесло. Причина проста: больным по-прежнему становилось легче, а объяснение, отвергнутое в академии, в деревне и в гостиной никого не заботило.

Девятнадцатый век был веком расцвета. Во Франции работали Делёз и барон Дю Поте, писавшие руководства, коими пользуются и поныне; в Германии магнетизм вошёл в моду среди врачей-романтиков; в Англии Джон Эллиотсон лишился кафедры за приверженность ему.

Тогда же обозначились три ветви, разошедшиеся навсегда. **Первая** — врачебная: обезболивание, лечение нервных расстройств, о чём в главах тридцать четвёртой и тридцать пятой. **Вторая** — учёная: поиск причины, приведший Брейда к отказу от флюида.

Третья — зрелищная и оккультная: сеансы за деньги, ясновидящие сомнамбулы, разговоры с духами. Эта ветвь дала месмеризму дурную славу, которая держится доныне и заслонила две первые.

Оттого читателю следует знать наперёд: всё, что излагается далее как учение о флюиде, есть *изложение*, а не утверждение. Приёмы описаны верно; действие их наблюдалось многими; причина же его иная, нежели полагали те, кто их составил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*

УЧЕНИЕ О ФЛЮИДЕ

Как мыслили действующее начало, откуда его брали,
куда направляли, чем проводили
и чем расплачивались за небрежность

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Флюид: как его мыслили

✧

Флюидом называли тонкую жидкость, будто бы разлитую всюду и не оставляющую пустоты между телами. Он не имел ни веса, ни цвета, ни запаха; о нём судили лишь по действию, как о тяготении.

Свойства ему приписывали такие. Он *течёт*, а не покоится; он *передаётся* от тела к телу через прикосновение, взгляд и дыхание; он *накопляется* в живом и в некоторых вещах; он *убывает* от траты и восстанавливается покоем, сном и пребыванием на воздухе.

Живому приписывали способность собирать его волею. Отсюда всё ремесло: оператор наполняется, направляет и передаёт; принимающий получает, и течение его собственного флюида восстанавливается, отчего, как полагали, и приходит облегчение.

Никакого прибора, обнаруживающего флюид, найдено не было ни тогда, ни после. Все свидетельства о нём суть свидетельства о самочувствии людей, знавших, что над ними работают, — и именно это разрушила комиссия 1784 года.

И однако понятие это стоит понять, а не отбросить с порога. Оно есть *язык описания приёмов*: говоря «наполниться», «провести», «отвести излишек», магнетизёр описывал вполне определённые свои действия и состояния, и на этом языке ремесло передавалось два века. Далее оно излагается на нём же.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Полюсы, ток и направление

✧

Тело человеческое полагали устроенным подобно магниту: с полюсами и с течением, идущим от головы к рукам и ногам, сверху вниз и от средины к оконечностям.

Правая сторона считалась дающею, левая — принимающею; правая рука оператора работала, левая замыкала. Кончики пальцев признавались главным истечением, ладонь — широким и мягким, дыхание — проникающим глубже прочего.

Отсюда правило направления, которое держали все школы: *движение сверху вниз успокаивает и усыпляет, снизу вверх — будит и возбуждает*. Оттого усыпляли пассами долгими и нисходящими, а пробуждали короткими восходящими, о чём в главе тридцатой.

Поперечные движения — ладонью поперёк тела, слева направо и обратно — считались *рассеивающими*: ими снимали избыток, разгоняли застой и разрывали связь по окончании работы.

Правила эти суть не измышление, а *сложенный обычай*: тысячи операторов независимо находили, что нисходящее поглаживание успокаивает. Причина тому известна ныне иная, чем полагали они, но само правило верно и служит доныне.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Насыщение и истощение оператора

✧

Учение полагало, что оператор отдаёт своё, а не чужое, и потому может истощиться. Из этого выводилось всё попечение о себе, коему магнетизёры придавали значения не меньше, чем самим приёмам.

Признаками истощения считали холод в руках, зевоту, тяжесть в голове, раздражительность, ломоту в спине после долгой работы. Делёз прямо предписывал: почувствовав эти признаки, работу прекратить, ибо продолженная через силу она вредит обоим.

Наполнение же добывали покоем, сном, пребыванием у воды и в лесу, умеренностью в пище и воздержанием от вина перед работой. Многие держали правило не магнетизировать натощак и не работать более получаса кряду.

Особо запрещалось работать *в гневе, в тревоге и в унынии*: полагали, что оператор передаёт своё состояние вместе с флюидом. Правило это оказалось вернейшим из всех, хотя причина его лежит не в жидкости, а в том, что взволнованный оператор невольно передаёт тревогу голосом, рукою и лицом.

Итак, первое требование ремесла таково: *прежде чем работать над другим, приведи в порядок себя*. Кто нарушает его, тот в лучшем случае не достигнет ничего, а в худшем — передаст своё расстройство тому, кто пришёл за облегчением.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проводники и хранилища

✧

Вещи разделяли на проводящие, удерживающие и препятствующие, и разделение это соблюдали строго.

Лучшими *проводниками* почитали воду, железо, стекло и шерсть живого происхождения; хорошими *хранилищами* — воду в закрытом сосуде, дуб, шёлк, а также хлеб и сахар, коими давали больному носить при себе намагниченное.

Препятствием считали сухой воздух, натёртое стекло и, что важнее, *чужое присутствие*: посторонний в комнате, особенно недоверчивый, полагался помехою и удалялся. Отсюда обычай работать наедине или при одном лишь свидетеле.

Шёлк держали при себе для сохранения собранного, а перед работою мыли руки холодною водою — для, как говорили, снятия чужого. Приёмы эти повторяются во всех руководствах и почти без разночтений.

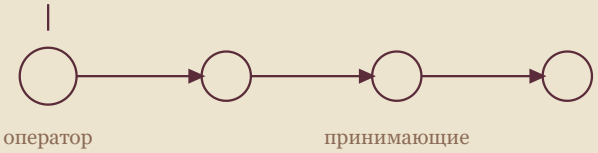
Замечу для точности: ни одно из этих свойств не подтвердилось при проверке. Действие намагниченной воды, как показано в главе шестой, зависело единственно от того, что о ней сказали больному. Обычаи же эти небесполезны иным образом: они устрояют работу, отделяют её от обыденного и сосредоточивают обоих участников.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Цепь и передача через посредника

✧

Когда больных было много, а оператор один, прибегали к *цепи*: сидящие брались за руки, и полагалось, что флюид, поданный в один конец, обходит всех.

ЦЕПЬ: РАБОТА С НЕСКОЛЬКИМИ ЗАРАЗ

Отсюда и чан с прутьями, описанный в главе пятой: он почитался общим хранилищем, от коего питались все разом. Порядок был таков, что первым сажали наиболее восприимчивого, ибо от него, как полагали, начиналось действие и передавалось прочим.

Наблюдение здесь было верным, а объяснение — нет. В цепи и вправду начинается с одного и переходит ко всем; но переходит не флюид, а *подражание*: люди, сидящие рядом в ожидании, повторяют состояние соседа тем вернее, чем оно очевиднее.

Оттого групповая работа сильнее одиночной и оттого же она опаснее. Кризис одного увлекает залу, и остановить начавшееся труднее, чем начать. Всякий, работающий с несколькими зараз, обязан помнить это прежде, чем усядется первый.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Раппорт: связь двоих

✧

Раппортом звали особую связь, устанавливающуюся между оператором и погружённым: последний перестаёт откликаться на посторонних и слышит одного лишь магнетизёра.

Свойства его описаны согласно у всех авторов. Спящий отвечает на голос оператора и не отвечает на чужой; чужое прикосновение может вызвать испуг; переданный другому оператору, он либо пробуждается, либо принимает нового не вдруг и не всегда.

Устанавливался раппорт сам собою при погружении, укреплялся повторением работы и, как считалось, длился и вне сеанса: многие писали, что больной чувствует приближение своего магнетизёра издали. Это последнее при проверке не подтвердилось ни разу.

Сущность же раппорта, как её понимают ныне, есть *крайняя сосредоточенность на одном человеке* при отключённом внимании к прочему. Отсюда и послушание, и избирательность слуха, и обострённая чувствительность к тону голоса.

Из этого следует правило, которого держались и старые магнетизёры: раппорт есть власть, а власть требует меры. Что бы ни думал оператор о природе связи, ответственность за неё лежит на нём одном, ибо принимающий в этом состоянии не защищён ничем.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Восприимчивость и сопротивление

✧

Не всякий поддаётся, и не всякий одинаково. Это знали с самого начала, и распределение восприимчивости описывали одинаково: около трети — легко, около половины — при усердии и повторении, остальные — почти не поддаются.

Признаками восприимчивости считали живое воображение, послушный нрав, привычку к сосредоточению, усталость и лёгкую дремоту. Дети и молодые поддавались легче стариков; больные — легче здоровых.

Сопротивление разделяли на два рода. *Прямое* — когда человек не желает и внутренне противится; такого магнетизёры советовали не трогать вовсе, ибо усилие рождает лишь взаимное раздражение. *Скрытое* — когда человек желает, но следит за собою и проверяет себя; такое проходит от повторения.

Против скрытого сопротивления средство было одно — терпение: работать коротко, не требовать признаков, не спрашивать «чувствуете ли», не обещать наперёд. Всякое ожидание, высказанное вслух, обращалось для мнительного в предмет проверки.

Заметим напоследок правило, годное и для нынешних дней: *восприимчивость есть свойство принимающего, а не заслуга оператора*. Кто ставит свою силу в зависимость от чужой податливости, тот жестоко ошибётся на первом же упрямце.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Обратный удар и утомление

✧

Учение полагало, что течение идёт в обе стороны и что оператор принимает от больного не менее, чем отдаёт. Отсюда понятие *обратного удара* — перехода состояния принимающего на работающего.

Описывали его так: после работы с тоскующим оператор чувствует тоску; после работы с болезненным — ломоту в том же месте; после долгого сеанса — опустошённость, головную боль и дурной сон. Средствами почитали омовение рук, поперечные рассеивающие движения над собою, свежий воздух и перерыв.

Обычай предписывал *завершать* всякую работу: снять связь отводящими пассами, стряхнуть руки, вымыть их холодною водою и не приступать к следующему больному тотчас. Небрежение этим считалось главною причиною расстройств у магнетизёров.

Явление это существует, хотя причина у него иная. Кто час подряд сосредоточен на страдающем, повторяя его дыхание, вглядываясь в его лицо и вслушиваясь в его жалобы, тот выходит с его состоянием и без всякого флюида: так устроено сочувствие.

Оттого правило старых руководств остаётся в силе и для нашего времени: *после работы возврати себя себе*. Обряд завершения нужен не флюиду, а работающему, и тот, кто им пренебрегает, выгорает быстрее прочих.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*

ПРИЁМЫ ОПЕРАТОРА

Как готовят себя, как держат руку, взгляд и дыхание,
чем усыпляют и чем разгоняют,
и как наделяют силою воду и вещи

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Приготовление оператора

✧

Все руководства начинают с одного: с работающего, а не с приёма. Порядок приготовления описан у Делёза, Дю Поте и прочих почти согласно, и стоит выписать его как есть.

Тело. Не работать натощак и не после сытной еды; накануне воздержаться от вина; руки согреть и вымыть холодною водою; одежда просторная, ничто не стягивает шеи и запястий.

Место. Комната тихая, свет умеренный, температура ровная; посторонних нет; часы, звонки и всё, что может внезапно зашуметь, удалены. Кресло с опорою для головы, ноги принимающего не скрещены.

Дух. Отложить всякое иное дело; не приступать в раздражении и в спешке; не иметь при себе любопытства к чужой тайне. Старые авторы прибавляли: не приступать, желая доказать свою силу, ибо желание это портит работу вернее всякой помехи.

Намерение. Перед началом оператор молча определяет себе, чего добивается: успокоения, сна, облегчения боли. Намерение держится одно и не меняется посреди работы. Это правило старше всех прочих и признаётся всеми школами без спора.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Дыхание и внимание

✧

Дыхание почиталось главным средством собирания и первым, чему учили ученика. Приём прост и от простоты своей надёжен.

Садятся прямо, ноги на полу, руки на коленях ладонями вниз. Вдох медленный через нос, короткая задержка, выдох вдвое длиннее вдоха. Так десять или двадцать раз, покуда дыхание не станет ровным само собою и не потребуется счёта.

При вдохе полагалось собирать, при задержке — удерживать, при выдохе — направлять. Отсюда обычай многих операторов делать пасс на выдохе и поднимать руку на вдохе: движение и дыхание идут в лад, и работа не утомляет.

Внимание держат *на принимающем*, а не на себе и не на своих руках. Начинающий грешит противным: следит за собственными ощущениями, ждёт тепла в ладонях и тем разрушает всю работу, ибо внимание уходит внутрь.

Признаком верного состояния считали ровное тепло в кистях, замедление собственного дыхания и утрату счёта времени. Гнаться за этими признаками не должно: они приходят сами, когда о них не думают, и не приходят, когда их поджидают.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Взгляд

✧

Взгляд считали вторым по силе средством после руки, а иные школы — первым. Приём известен под именем *фиксации* и в разных руководствах описан почти одинаково.

Оператор садится напротив, чуть выше принимающего, и смотрит ему в переносицу — не в глаза попеременно, а в одну точку между бровями. Взгляд ровный, немигающий по возможности, но не напряжённый и без свирепости, которую любили изображать на картинках.

Принимающего просят смотреть в ответ, не отводя глаз. Через недолгое время веки его тяжелеют, взор мутнеет, моргание учащается — и тогда оператор говорит негромко, что глаза закрываются, и подкрепляет слово нисходящим движением руки перед лицом.

Брейд, о коем речь в главе тридцать третьей, обошёлся и без оператора: он давал больному смотреть вверх на блестящий предмет, держимый близко ко лбу, и утомление глазных мышц делало всё дело. Этим он и доказал, что взгляд действует утомлением и сосредоточением, а не истечением силы.

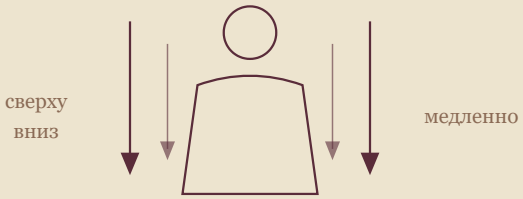
Предостережение здесь одно, и старые авторы повторяют его настойчиво: не смотреть на человека, который того не желает или не знает. Взгляд, направленный без спроса, есть насилие, каким бы малым оно ни казалось смотрящему.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пассы большие и малые

✧

Пасс есть медленное движение рук вдоль тела на малом расстоянии от него. Это главный приём ремесла, и от верности его зависит всё прочее.

БОЛЬШОЙ ПАСС: ОТ ГОЛОВЫ К ОКОНЕЧНОСТЯМ

Большой пасс. Руки подымают над головою принимающего ладонями к нему, на расстоянии двух-трёх вершков, и ведут медленно вдоль всего тела до колен или до ступней. Затем руки отводят в стороны, кистями вниз, и подымают по широкой дуге, не проводя обратно вдоль тела. Так десять–двадцать раз.

Малый пасс. То же, но на малом протяжении: над головою, над плечом, над больным местом. Употребляется, когда нужно действие сосредоточенное, а не общее.

Скорость — медленная и ровная, около одного пасса на два-три дыхания; прерывать движение посреди не следует. Всё различие между работою умелого и неумелого лежит в ровности и в неспешности, а вовсе не в силе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наложение рук и держание пальцев

✧

Где пассов недостаточно или где требуется покой, прибегают к прикосновению. Приёмы его немногочисленны и стары как само врачевание.

Наложение ладони. Ладонь кладут на лоб, на темя, на плечо или на больное место и держат неподвижно — от одной до нескольких минут, дыша ровно. Рука тёплая, вес её не давит; всё действие в неподвижности и в тепле.

Две руки. Одну кладут на лоб, другую на затылок или на грудь, и держат, как бы замыкая. Приём этот почитали сильнейшим при бессоннице и головной боли и предостерегали держать его недолго.

Держание пальцев. Оператор берёт большие пальцы принимающего в свои ладони и держит их, глядя ему в лицо. С этого начинали почти всякий сеанс: приём успокаивает обоих и устанавливает, как говорили, связь.

Правило прикосновения одно и не имеет исключений: *спрашивают прежде, чем коснуться*. Ни один старый автор не советовал брать руку без позволения, и ни одна школа не считала внезапность приёмом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Дуновение и слово

✧

Дыхание почитали проникающим глубже руки, и приёмы с ним были в ходу у всех школ, хотя употреблялись реже прочих.

Тёплое дуновение — открытым ртом, широко и медленно, на темя или на больное место сквозь ткань, — полагалось согревающим и расслабляющим. **Холодное** — сквозь сжатые губы, узкою струёю, — бодрящим и рассеивающим; им же нередко пробуждали.

Слово вошло в ремесло позднее и через Пюисегюра. Месмер работал молча; школа сомнамбулизма заговорила со спящим, и вскоре обнаружилось, что слово действует вернее всякого пасса. Отсюда прямая дорога к учению о внушении, изложенному в главе тридцать пятой.

Правила слова таковы. Говорят *негромко, медленно и утвердительно*: не «постарайтесь заснуть», а «веки тяжелеют, глаза закрываются». Не спрашивают об ощущениях посреди работы. Не обещают исцеления. Не поправляют себя вслух, обмолвившись.

И главное, чему учили все: слово должно идти *вслед* за тем, что уже происходит. Заметив, что дыхание принимающего замедлилось, говорят о покое; заметив тяжесть век — о сне. Кто велит прежде, чем увидел, тот получает сопротивление вместо послушания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пассы отводящие и рассеяние

✧

Всякая работа завершается снятием. Приёмы для этого называли *отводящими*, или рассеивающими, и в старых руководствах им отведено места не меньше, чем приёмам усыпляющим.

Поперечные движения. Ладони, обращённые к принимающему, разводят от средины тела в стороны — быстро, коротко, несколько раз подряд, на уровне лица и груди. Этим, как полагали, рассеивают собранное и разрывают связь.

Восходящие пассы. Короткие движения снизу вверх вдоль тела, противоположные усыпляющим. Ими пробуждают и возвращают бодрость; о порядке пробуждения — глава тридцатая.

Стряхивание. Оператор по окончании стряхивает кисти, как стряхивают воду, и моет руки холодною водою. Приём этот считался обязательным и относился уже к самому оператору, а не к больному.

Смысл всего этого — в отчётливом *окончании*. Работа должна иметь ясную границу: было начало, был труд, было завершение. Ни принимающий, ни оператор не должны уходить в неопределённости — ни телесной, ни, что важнее, в отношениях между собою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Намагничивание воды и вещей

✧

Обычай наделять вещи силою был в ходу повсеместно и держался на положении о хранилищах, изложенном в главе двенадцатой.

Вода. Стакан держат в левой руке, правою совершают над ним малые пассы или водят пальцем по кругу, дыша ровно и держа намерение. Считалось, что вода принимает и хранит долее прочего; её давали пить больному в назначенные часы и малыми глотками.

Вещи. Тем же способом наделяли платок, шерстяной шарф, кусок хлеба, монету. Больной носил вещь при себе или клал на больное место; полагали, что она отдаёт постепенно и продлевает действие сеанса.

Деревья и покои. Дю Поте и другие намагничивали дерево в саду, к коему приходили больные, и целые комнаты, где принимали. Отсюда и знаменитый опыт комиссии с деревом, о коем в главе шестой.

Проверка не оставила от этого ничего: действие оказывалось ровно таким, каким его назвали больному. И всё же обычай стоит понять верно — он даёт человеку *вещественный знак*, продлевающий работу за пределы часа, проведённого с оператором. Сила его в напоминании, а не в жидкости.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

*

МАГНЕТИЧЕСКИЙ СОН

Как узнаётся наступление, каковы его ступени,
что говорили о сомнамбулах,
как пробуждают и когда отказываются работать

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Признаки наступления

✧

Оператору надлежит уметь читать наступление сна, ибо всё дальнейшее строится по этим признакам, а не по счёту минут.

Ранние. Дыхание замедляется и становится ровнее; глотание учащается; веки тяжелеют и подрагивают; взор мутнеет; лицо разглаживается, и уходит выражение — черты становятся спокойны, как у спящего.

Средние. Голова клонится; руки становятся тяжелы; принимающий перестаёт менять положение тела; на вопрос отвечает не сразу и коротко; тепло в кистях у обоих.

Поздние. Веки сомкнуты и подрагивают; руке, поднятой оператором, принимающий не помогает и не мешает — она остаётся в положении, приданном ей, или опускается медленно. Это признак верный и им проверяли глубину.

Правило чтения признаков одно: *смотреть, а не спрашивать*. Всякий вопрос «спите ли вы» будит и заставляет проверять себя. Оператор наблюдает молча и говорит лишь о том, что уже видит, как сказано в главе двадцать второй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ступени сна

✧

Старые авторы делили состояние на ступени; счёт их разнился, но существо совпадало. Приведём деление в шесть ступеней, как наиболее обиходное.

Первая — расслабление: тело покойно, слух остёр, всё помнится. **Вторая** — тяжесть: веки не хочется открывать, движение возможно, но нежеланно. **Третья** — сон лёгкий: веки не открываются без позволения, тело послушно, память ещё цела.

Четвёртая — сон глубокий: посторонние звуки перестают тревожить, отклик идёт лишь на голос оператора, память после становится неполной. **Пятая** — сомнамбулизм: спящий говорит, отвечает, встаёт и ходит, о чём глава следующая.

Шестая — состояние, которое старые авторы описывали как «ясновидческое» и о котором сказано в главе двадцать восьмой. Достигали его, по их словам, немногие, и не всякий оператор его вызывал.

Для дела важно не название ступени, а два правила. *Первое:* глубже не значит лучше; для облегчения боли и для покоя довольно второй и третьей. *Второе:* глубину проверяют признаками, а не собственным желанием; кто торопит, тот получает не глубину, а пробуждение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сомнамбулизм

✧

Так называли состояние, открытое Пюисегюром: спящий говорит и действует, оставаясь спящим. Оно поразило современников более всего прочего и породило две трети всей литературы о магнетизме.

Описания сходятся. Глаза закрыты или полуоткрыты и неподвижны; речь ровная, замедленная, без обычных оговорок; движения точные, но лишённые обыкновенной суетливости; отклик — на одного оператора; по пробуждении — забвение, полное или частичное.

Отмечали и особенности, которые ныне объясняют иначе. Сомнамбула буквален: сказанное иносказательно понимает прямо. Он не спорит и не удивляется несообразному. Он охотно заполняет пробелы, отвечая уверенно и на то, чего знать не может.

Последнее свойство и есть источник всех чудес, приписанных этому состоянию. Спрошенный о будущем, о дальнем городе или о чужой болезни, сомнамбула отвечает без колебаний — не обманывая, а *складывая ответ* из ожидания спрашивающего и того, что успел услышать.

Оттого главное правило работы с этим состоянием таково: *не спрашивать о том, чего не хочешь услышать выдуманным*. Ответ будет дан всегда, и дан с полною убеждённостью, и убеждённость эта передастся спрашивающему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ясновидение больного

✧

Ни одна часть учения не породила столько шума, как эта. Сомнамбулам приписывали способность видеть внутренность собственного тела, распознавать чужие болезни, назначать себе лекарства, читать в закрытых книгах и видеть отдалённое.

Свидетельств тому оставлено множество, и писали их люди почтенные и не склонные ко лжи. Оттого разбор их поучителен: он показывает, как рождается уверенность там, где нет обмана ни с чьей стороны.

Разбор этот сделали, когда взялись за проверку. Оказалось: удачи запоминались и записывались, промахи забывались как случайные; вопросы задавались наводящие; ответы толковались снисходительно; сомнамбула слышала больше, чем полагали присутствующие, ибо слух её был обострён.

Ни одно испытание, поставленное строго — с запечатанным письмом, с неизвестным никому в комнате предметом, с проверяемым заранее назначением, — не дало подтверждения. Это касается и знаменитых опытов, и позднейших, включая проверки прошлого века.

Отсюда правило, обязательное для всякого, кто работает в этом ремесле честно: *ни одного суждения о болезни, о лекарстве и о судьбе со слов спящего*. Не потому, что спящий лжёт, а потому, что он не может не отвечать — и ответит непременно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Слово, сказанное спящему

✧

Главное, что даёт магнетический сон, есть не чудеса, а *восприимчивость к слову*. Сказанное в этом состоянии принимается без обычной проверки и держится дольше сказанного наяву.

Правила такого слова выработаны опытом и почти не изменились доныне. Говорят *утвердительно* и о том, что желательно, а не о том, чего избегают: «дыхание ровное и спокойное», а не «вы не будете задыхаться». Отрицание в этом состоянии слышится плохо.

Говорят *просто и в настоящем времени*, короткими предложениями, с повторением одних и тех же оборотов. Повторение здесь не небрежность речи, а приём: одно и то же, сказанное трижды спокойно, действует вернее сказанного однажды красиво.

Говорят *о том, что во власти самого человека*: о покое, о сне, о внимании к делу, о ровном дыхании, об умеренности в привычке. Не говорят о болезнях, об органах и об исцелении — ни один добросовестный автор этого не советовал, и нынешние правила запрещают прямо.

И последнее: сказанное спящему нередко исполняется буквально и не тогда, когда ожидалось. Оттого не оставляют неопределённых распоряжений и не шутят: всякое слово, сказанное в этом состоянии, следует произносить так, будто оно будет исполнено дословно.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Пробуждение и порядок его

✧

Пробуждению старые авторы придавали значения больше, чем усыплению, и были правы: небрежное окончание портит всю работу и оставляет по себе тяжесть.

Порядок таков. Сперва предупреждают: «сейчас я буду вас будить, вы проснётесь легко и бодро». Затем считают вслух до трёх или до пяти, ведя счёт неспешно. Затем совершают восходящие пассы вдоль тела и поперечные перед лицом. Затем короткое холодное дуновение на лоб.

Пробудившемуся дают посидеть, не подымая тотчас; предлагают воды; не расспрашивают немедля о впечатлениях. Если остаётся вялость или тяжесть в голове, повторяют поперечные движения и дают побыть в покое ещё несколько минут.

Если пробуждение не наступает вдруг — а это бывает и пугает начинающих, — не должно ни трясти, ни кричать, ни плескать водою. Состояние это безопасно и переходит само в обыкновенный сон, из которого человек выйдет как из всякого сна. Оператор ждёт спокойно и говорит ровно.

Правило же общее таково: *всякий сеанс кончают полностью и не спеша*. Незавершённое окончание оставляет человека в промежуточном состоянии, и вина за это лежит целиком на работавшем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Забвение и память после сна

✧

Забвение по пробуждении — черта, отмеченная с первых дней. Пюисегюр писал о ней как о главном отличии своего сомнамбулизма от обыкновенного сна.

Наблюдалось трояко. Иные не помнили ничего; иные помнили обрывками, как смутный сон; иные помнили всё, но говорили о происшедшем как о чужом. Замечали и то, что при следующем погружении забытое возвращалось, а по пробуждении вновь исчезало.

Старые авторы полагали забвение свойством самого состояния и мерою его глубины. Позднейшие проверки показали, что оно во многом зависит от *ожидания*: где забвения ждали и о нём говорили, там оно было почти всегда; где о нём не упоминали, там его нередко не было вовсе.

Отсюда правило, важное для чести ремесла: *не наводить забвения нарочно*. Человек имеет право знать, что с ним делали и что ему говорили. Магнетизёр, отнимающий у него эту память, отнимает и возможность возразить.

Добросовестный порядок таков: по пробуждении коротко пересказать, что делалось и что говорилось, и ответить на вопросы. Это не убавляет действия, а прибавляет доверия — и оберегает работающего от подозрений, которые в этом ремесле возникают легче, чем в любом другом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Опасности и отказ от работы

✧

Ремесло это не безобидно, и старые руководства говорят об этом прямее иных нынешних книг. Соберём предостережения вместе.

Не работать с тем, кто не понимает или не соглашается: с ребёнком без ведома старших, с человеком в опьянении, с тем, кого привели уговорами. Согласие есть первое условие, и не формальное, а понятое.

Не работать при расстройстве рассудка, при падучей, при тяжкой телесной болезни и во всяком случае, где требуется врач. Магнетизм не лечит болезней тела; он действует на состояние человека, и подмена им лечения есть прямой вред, чем бы ни объяснял её оператор.

Не превращать работу в зрелище. Публичные сеансы с забавными приказаниями были осуждаемы и старыми магнетизёрами: они унижают принимающего и приучают оператора к власти ради власти.

Прекратить немедля, если появились сильная тревога, слёзы без причины, судорожные движения, если человек просит остановиться, если оператор сам чувствует смятение. Начатое всегда можно окончить; продолженное через тревогу редко кончается хорошо.

И общее правило, коему следовали лучшие: *отказаться легче, чем поправить*. Кто берётся не за всякого, тот работает долго и без бед; кто не отказывает никому, тот однажды непременно повредит.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Как флюид был отброшен, а приёмы остались,
во что они обратились в руках врачей
и что из всего этого уцелело при проверке

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Брейд: от флюида к нервному сну

✧

Поворот совершил шотландский хирург Джеймс Брейд, практиковавший в Манчестере. В 1841 году он пришёл на сеанс заезжего магнетизёра с намерением изобличить обман — и вышел оттуда с намерением разобраться.

Он заметил, что усыпляемые долго глядели на предмет, держимый близко и выше уровня глаз. Дома он повторил это без всякого магнетизёра: давал больному смотреть вверх на блестящую пробку — и получал то же самое состояние. Флюид оказался ненужным.

Отсюда его объяснение: дело в утомлении глаз и в сосредоточении внимания, а не в истечении силы. Состояние он назвал *нейрогипнозом* — нервным сном, — откуда и пошло слово «гипноз», вытеснившее прежние.

Позднее Брейд отошёл и от глазного утомления, признав главным *сосредоточение мысли* на одном предмете и ожидание. Он же ввёл в обиход слово «внушение» в его нынешнем смысле и первым отделил ремесло от учения о флюиде окончательно.

Заметим существо перемены. Приёмы остались прежними до мелочи: взгляд, слово, поглаживание, счёт. Переменилось лишь то, где помещали причину: не между людьми, а *внутри принимающего*. С этого дня оператор перестал быть источником и стал поводом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Эллиотсон и Эсдейл: резать без боли

✧

Прежде хлороформа и эфира хирургия была делом крика и ремней. Оттого важнейшее употребление магнетизма в девятнадцатом веке было не в чудесах, а в обезболивании.

Джон Эллиотсон, лондонский врач и человек передовой — он же ввёл в Англии стетоскоп, — открыто применял магнетизм и лишился за это кафедры в Университетском госпитале в 1838 году. Журнал «Зоист», им основанный, собирал случаи операций под магнетическим сном.

Джеймс Эсдейл, служивший в Бенгалии, пошёл дальше: в казённой больнице он произвёл сотни операций — в том числе тяжелейшие удаления опухолей, — усыпляя больных долгими пассами, иногда часами. Отчёты его проверялись комиссией и были признаны достоверными.

Замечательно и то, что смертность после операций у него оказалась заметно ниже обычной для того времени. Объяснить это можно и без флюида: спокойный больной меньше истощается, а Эсдейл, как видно из его записок, был опрятнее многих современников.

Дело это оборвалось не опровержением, а вытеснением: в сороковые годы явились эфир и хлороформ — средства скорые, надёжные и не требующие часов работы. Магнетическое обезболивание отступило и сохранилось лишь там, где лекарство неприменимо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Нанси и Сальпетриер

✧

К концу века спор о природе явления свёлся к спору двух французских школ, и спор этот стоит знать, ибо им кончается вся история месмеризма.

В Нанси провинциальный врач Амбруаз Льебо, лечивший бедняков даром, утверждал: гипноз есть обыкновенный сон, вызванный *внушением*, и доступен большинству здоровых людей. Ипполит Бернгейм, профессор, принял его взгляд и придал ему вес.

В Париже Жан Мартен Шарко, знаменитейший невролог своего времени, учил обратному: гипноз есть болезненное состояние, свойственное истерическим, и имеет три строгие ступени, вызываемые даже без слов — светом, звуком, надавливанием.

Прав оказался Нанси. Ступени Шарко, как выяснилось, были выучены его больными в его же клинике: их показывали студентам, о них говорили при них, и они воспроизводили ожидаемое добросовестно и без обмана. Это едва ли не лучший в истории урок о том, как исследователь получает то, чего ждёт.

Победа Нанси означала конец месмеризма как учения о силе, переходящей от человека к человеку. Осталось внушение — и осталось наблюдение, стоившее двух веков спора: *слово, сказанное в сосредоточенном состоянии, действует на человека сильнее, чем сказанное вскользь.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Русская линия

✧

В отечестве нашем магнетизм был известен рано: им занимались при Александре Первом, а в 1815 году врачебная управа запретила заниматься им лицам недипломированным — распоряжение, замечу, разумное и опередившее многие европейские.

Учёный поворот связан с харьковским профессором Василием Данилевским, который на съезде 1891 года показал опыты с оцепенением животных — кур, лягушек, раков — и вывел отсюда, что состояние это природное и не требует ни флюида, ни истерии.

Ардалион Токарский в Москве читал первый в России курс гипнотерапии и настаивал, что гипноз есть состояние нормальное, а не болезненное. Владимир Бехтерев применял его широко — при пьянстве, при навязчивостях, при последствиях испуга — и оставил описания коллективных сеансов.

Позднее школа Павлова дала объяснение через торможение коры — частичное, разлитое по мозгу, оставляющее «сторожевой пункт», через который спящий слышит одного оператора. Объяснение это грубовато, но оно вернуло гипнозу место в медицине.

Оттого в двадцатом веке у нас гипноз держался при клиниках, а не при салонах, и обучали ему врачей. Это отличие от западного пути стоит помнить: там ремесло дольше оставалось зрелищем, здесь — раньше стало предметом кафедры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Что уцелело в науке

✧

Подведём итог проверкам. От учения не уцелело ничего: флюида нет, намагниченная вода не отличается от простой, ясновидение не подтвердилось ни разу. От приёмов уцелело немало, но не то, чего ожидали бы поклонники.

Обезболивание. Это самое прочное из уцелевшего: внушение и сосредоточение заметно уменьшают переживание боли. Применяется при перевязках, при ожогах, в стоматологии, при родах — как дополнение к обычным средствам, а не вместо них.

Расстройства, где велика доля состояния: бессонница, тревожность, некоторые нарушения пищеварения, привычки вроде курения. Здесь польза внушения признана и измерена, хотя она умереннее, чем обещают объявления.

Отклик на пустышку. Тот самый опыт комиссии 1784 года ныне лежит в основании всей проверки лекарств. Месмеризм, будучи опровергнут, подарил медицине способ опровергать — и это его главное наследие.

Не уцелело же ничто из области чудес: ни чтение мыслей, ни распознавание болезней спящим, ни лечение через воду и предметы. Отделять первое от второго обязан всякий, кто берётся за это дело; смешивающий их обманывает либо других, либо себя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чего месмеризм не может

✧

Соберём запреты. Они стоят всех приёмов вместе взятых, ибо ошибка здесь стоит дороже, чем неумение.

Он не лечит болезней тела. Ни опухоли, ни заражения, ни перелома, ни расстройства обмена. Он может облегчить переживание болезни — и на этом его действие кончается. Всякое обещание сверх этого есть либо неведение, либо обман.

Он не заменяет врача и лекарства. Отказ от лечения ради сеансов есть худшее, к чему может привести это ремесло, и случалось это не однажды.

Он не даёт власти над волею. Внушённое вопреки существу человека не исполняется: спящий не совершит того, что противно его совести, а если совершит, то потому, что был к тому склонен и без внушения.

Он не открывает скрытого: ни чужих мыслей, ни будущего, ни прошлого — и менее всего забытых событий. Воспоминание, добытое в этом состоянии, ненадёжно вдвойне: человек восприимчив к вопросу и уверен в ответе. На этом сгублено немало судеб и семей.

Кто держит эти четыре запрета, тот будет делать немногое, но верное. Кто их преступает, тот рано или поздно повредит человеку, доверившемуся ему, — и повредит тем сильнее, чем искреннее верил в своё дарование.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила совести

✧

Тайный доклад королю 1784 года предостерегал о власти магнетизёра над беспамятным. Предостережение это старше всей науки о гипнозе и не устарело нимало. Выпишем правила, вытекающие из него.

> Кто принял на себя работу с чужим состоянием,
> тот принял и всю ответственность за него,
> ибо принимающий не защищён ничем.

Согласие. Спрошенное прямо, понятое ясно, отзываемое в любую минуту. Никакой внезапности, никаких приёмов «для пробы» без предупреждения.

Свидетель. При работе с человеком другого пола, с молодым, с тем, кто пришёл впервые, — присутствие третьего лица или открытая дверь. Это правило оберегает обоих, и второго не менее, чем первого.

Мера обещаний. Не сулить исцеления, не называть себя целителем, не удерживать человека возле себя сеансами. Всякая зависимость, возникающая от работы, есть повреждение, а не успех.

Отчёт. Рассказать по пробуждении, что делалось и что говорилось. Не брать денег за то, чего не сделал. Не пользоваться раппортом ни для чего, кроме дела, ради которого он установлен.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: рука, взгляд и мера

✧

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Учение о флюиде было ошибочно, и это установлено надёжно. Приёмы, выросшие из ошибочного учения, отчасти действенны, и это установлено столь же надёжно. Одно не отменяет другого, и путать их не должно.

Действует не жидкость, а *сосредоточение, ожидание и слово*. Оттого сила оператора состоит не в даровании, а в порядке: в спокойствии, в неспешности, в ровности голоса и в умении смотреть прежде, чем говорить.

Работа идёт сверху вниз и медленно; слово идёт вслед за увиденным; всякий сеанс имеет отчётливое окончание; после работы оператор возвращает себя себе. Вот и всё ремесло; прочее в этой книге есть подробность к сказанному.

И последнее, важнейшее. Ремесло это даёт власть над состоянием другого человека — малую, но настоящую. Мера здесь не украшение, а условие: *кто не умеет отказать, тот не умеет и работать*. Двести лет истории этого дела не прибавили к сему правилу ничего и ничего от него не отняли.

❋

✧

МЕСМЕРИЗМ

Животный магнетизм и его приёмы

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм

⁂